

SMALL LANDED PROPERTY IN THE WESTERN PROVINCES OF THE LATE ROMAN EMPIRE

by A. R. Korsunsky

In spite of the growth of large landownership small landed property never disappeared from the Roman Empire. Small landowners lived in villages, *castella*, and formed part of the population of city communities. They were not confined to persons of any one status. Many of them belonged to the plebs, which was distinct from both slaves and *coloni*. On the other hand, most plebeians of the Late Empire belonged to the *humiliores*, and their free condition suffered some curtailment. In respect to their economic condition small landowners are characterised in the sources as *possessores* or *minores possessores*. Besides plebeians, the poorest sections of the *curiales* are found among small landowners, and also freedmen, *veterani* and *laeti*. In the outlying parts of the Empire, where Romanisation had made little progress, there were still large masses of people on the land who had not yet outgrown communal social organisation. The economic position of the small holders was gradually undermined, and they submitted to the protection (*patrocinium*) of magnates, as *precarium* tenants or as *coloni*. However, this process was not completed in the Imperial epoch. The barbarian settlement in Gaul, Spain and Italy found small landed property still in existence among the local population.

О ДРЕВНЕЙШЕЙ БАЗИЛИКЕ ПИТИУНТА И ЕЕ МОЗАИКАХ

В настоящей статье будет идти речь о самом, по-видимому, сложном и интересном памятнике римско-византийского Питиунта — о его древнейшей христианской базилике, мозаика и греческая надпись которой уже в отдельности рассматривались на страницах этого журнала¹. Однако памятнику в целом исследователи пока еще не уделили должного внимания. Между тем рассмотрение памятника в целом необходимо главным образом потому, что ни архитектура его, ни мозаика, ни надпись не могут быть до конца осмыслены при изолированном их исследовании. Попытка установить связь между архитектурой базилики, ее мозаикой, надписью, а также некоторыми данными письменных источников и составляет здесь нашу задачу, решение которой, однако, пока может быть лишь предварительным, ибо и многие излагаемые ниже наблюдения, видимо, требуют дальнейших исправлений и уточнений.

Рассматриваемая базилика была обнаружена в 1952 г. Бичвинтской археологической экспедицией Института истории АН ГрузССР, которой руководит проф. А. М. Апакидзе. Изучение этой базилики затруднено, во-первых, отсутствием подробных опубликованных отчетов о ее раскопках и, во-вторых, двуслойностью самого памятника: над остатками рассматриваемой базилики была выстроена вторая, также раннесредневековая, повторявшая в основном планировку и размеры первой. Единственной публикацией, отражающей стратиграфию обеих базилик, т. е. фактической публикацией древнейшей базилики Питиунта, была до сих пор работа А. Хачатряна². Для настоящей работы мы воспользовались не публиковавшимся пока чертежом обеих базилик, на который нанесены также и мозаики, что позволяет установить их взаимоотношение с архитектурой древнейшей базилики. Этот чертеж, хранящийся в Гос. музее Грузии и предназначавшийся для одной из выставок, выполнен профессором И. Н. Циципвили, архитектором

¹ Л. А. Мацулевич, Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте, ВДИ, 1956, № 4, стр. 146 сл.; Т. С. Каухчишвили, Эпиграфические новости из Грузии, ВДИ, 1958, № 4, стр. 130 сл.

² А. Khatchatrian, Les baptistères paléochrétiens, P., 1962, рис. 123.

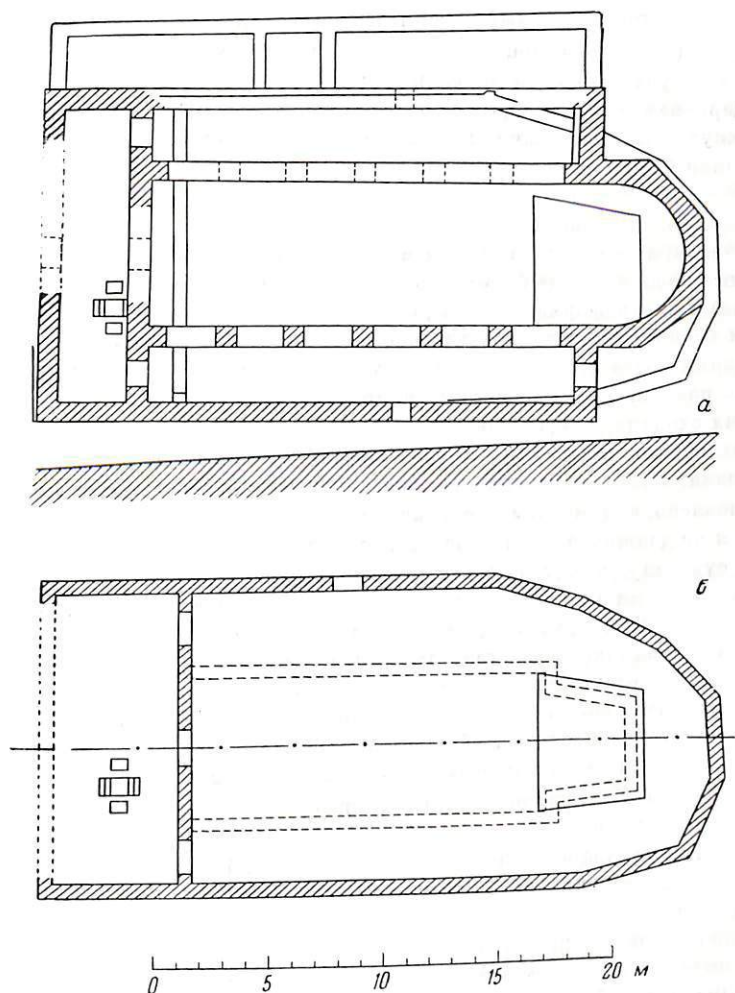

Рис. 1 — *a* — остатки двух базилик в Питиунте (по И. Н. Цицишвили);
б — реконструкция древнейшей базилики Питиунта

Бичвинтской археологической экспедиции, которому принадлежит также и наиболее компетентное, хотя, к сожалению, очень краткое, описание интересующего нас памятника, связанное лишь с публикацией более поздней базилики³. Помещенный в настоящей статье рис. 1*a*, в частности, сделан на основе указанного чертежа проф. И. Н. Цицишвили, а на рис. 3 и 7 воспроизводятся детали того же чертежа.

Итак, древнейшая базилика (см. рис. 1*a*) представляла собой вытянутое прямоугольное сооружение с очень большой шести- или семигранной абсидой, совпадавшей по своей ширине с общей шириной всей основной части храма. Такие абсиды, как известно, наблюдаются обычно у простейших церквей зального типа, т. е. у однонефных церквей, в связи с чем, по-видимому, и высказывалось мнение о том, что рассматриваемый памятник был именно такой церковью⁴. Однако И. Н. Цицишвили определенно и неоднократно пишет о том, что исследуемый памятник представлял собой трехнефную базилику, разде-

³ И. Н. Цицишвили, История грузинской архитектуры, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.), стр. 41.

⁴ Л. А. Шервашидзе, Пицундский мозаичный пол, «VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси», Тбилиси, 1965, стр. 96 сл.

ленную на нефы рядами мраморных колонн, которые поддерживали архитрав и остатки которых были найдены при раскопках⁵, но, по-видимому, не *in situ*. С этим указанием непосредственного участника раскопок нет оснований не соглашаться, тем более что большие размеры памятника вряд ли допустили бы возможность перекрытия без внутренних промежуточных опор (каковыми была снабжена также стоявшая на этом же месте более поздняя базилика тех же самых размеров и при этом даже с более мощными стенами).

Таким образом, ширина абсиды описываемого памятника соответствовала ширине всех трех нефов, а не только ширине центрального нефа, как это наблюдается у обычных трехнефных базилик. Еще более необычна в описываемой базилике неправильная (перекошенная) в плане форма ее абсиды, многоугольной изнутри (что, насколько нам известно, для базилик восточнохристианского мира — явление тоже необычное⁶).

Из остальных более или менее четко устанавливающихся деталей описываемой базилики можно назвать весьма обширный нартекс с устроенной в нем крещальной (бассейном с двумя сходами), подчеркивающей своим местонахождением назначение самого нартекса, дальше которого не допускались в храм «оглашенные» до совершения над ними обряда крещения. Местонахождение же крещальни между серединой и краем нартекса было обусловлено, видимо, тем, что во внутренней стене его имелись три дверных проема, которые и не должны были заслоняться крещальной. От южной и внутренней двери нартекса, судя по чертежу, сохранилась одна сторона.

А. М. Апакидзе пишет, что в рассматриваемой базилике имелось десять колонн⁷. Это повторено и А. Л. Монгайтом⁸, однако судить о количестве промежуточных опор в рассматриваемой базилике в действительности, по-видимому, нельзя, о чем свидетельствуют и ее чертеж и отсутствие соответствующих указаний у И. Н. Цицишвили. Может быть, А. М. Апакидзе принял за остатки колонн древнейшей базилики основания десяти столбов более поздней базилики. Ни чертеж, ни опубликованные данные не содержат даже прямых указаний на расположение линий колоннад между нефами рассматриваемой базилики, поэтому естественнее всего с первого взгляда предположить, что остатки этих колоннад здесь полностью были уничтожены или же скрыты в сплошных продольных фундаментах столбов более поздней базилики, ибо основная ее часть, как уже говорилось, полностью повторяла (за исключением абсиды) планировку и размеры описываемого памятника.

Для полной реконструкции плана базилики (см. рис. 1 б), в частности для установления самой интересной ее композиционной детали, необходимо вновь обратиться к ее абсиде, ширина которой, как говорилось, соответствовала общей ширине всех трех нефов. Совершенно такие же «широкие» абсиды известны нам только у следующих трехнефных раннесредневековых базилик: у четырех загородных римских — так называемых циметериальных — базилик первой половины IV в. (базилика св. Марцелина и Петра, базилика св. Агнессы⁹, базилика св. Лаврентия¹⁰ — см. рис. 2 — и базилика Апостолов¹¹), у милетской базилики Асклепион V — начала VI в.¹² и у базилики Апостолов в Ана-

⁵ Цицишвили, ук. соч., стр. 41; он же, Храм в Бичвинте, «Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г.», Тбилиси, 1953, стр. 33.

⁶ В западноевропейских же раннесредневековых базиликах многоугольные изнутри абсиды, по-видимому, обычны. См., например, Ed. Gilbert, Brixworth and the English Basilika, «The Art Bulletin», XLVIII, 1, mars 1965, рис. 3, 4, 8—10, 16.

⁷ А. М. Апакидзе, Бичвинта, «Научная сессия, посв. итогам полевых археологических исследований 1952 г.», Тбилиси, 1953, стр. 33.

⁸ А. Л. Монгайт, Археология в СССР, М., 1955, стр. 241.

⁹ Fr. Deichmann, Arn. Tschira, Das Mausoleum der Kaiserin Helena und die Basilika der heiligen Marcellinus und Petrus an der Via Labicana vor Rom, «Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts», 72, 1957, B., 1958, рис. 25 и 27.

¹⁰ R. Krauthemer, Corpus basilicarum christianarum Romae, II, 1, Vaticano, 1962, табл. II.

¹¹ F. W. Deichmann, Frühchristliche Kirchen in Rom, Basel, 1948, табл. 3.

¹² Th. Wiegand, Sechster vorläufiger Bericht über die von den königl. Museen in Milet und Didyma unterkommenen Ausgrabungen, B., 1908, стр. 31 сл.

зарбе (Малая Азия) VI в.¹³. В абсидах всех перечисленных базилик имелись промежуточные опоры (за исключением милетской, где на месте таких опор была устроена сплошная стена), чего не бывает в абсидах обычных базилик. Дело в том, что «ширина» абсид перечисленных базилик была обусловлена устройством в них специальных обходов, продолжавших боковые нефы и окружавших центр абсиды. Именно эти обходы и выделялись с помощью промежуточных опор.

Приведенные параллели дают нам основание считать, что аналогичный обход, выделенный в абсиде колоннамп, был и в рассматриваемой базилике. Такое предположение подтверждается наличием в центре древнейшей абсиды специальных мощных фундаментов, которые можно видеть и сейчас и которые должны были предназначаться в

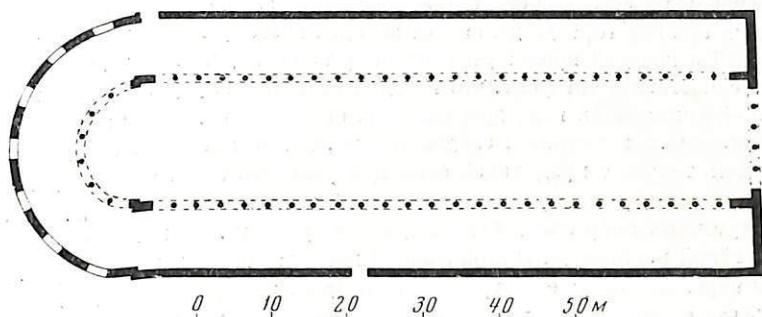

Рис. 2. Базилика св. Лаврентия (по Р. Краутхаймеру)

первую очередь как раз для колонн указанного обхода. Фундаменты эти образуют в абсиде трапецевидную фигуру, не имеющую основания, обращенного в сторону центрального нефа базилики. Таким образом, конфигурация этих фундаментов более или менее соответствовала внутренним угловатым очертаниям абсиды.

Среди шести перечисленных выше базилик с «широкими» абсидами наиболее детально были исследованы лишь четыре римские загородные циметеральные базилики, абсидальные обходы которых определенно связывают с поминальным ритуалом. Причем существует предположение, что эти обходы разрешали в базиликах проблему непрерывного движения паломников через боковые нефы вокруг центра абсиды с алтарем. Указанные базилики, точно идентифицированные на основании письменных источников и эпиграфических данных, в трех случаях были выстроены возле катакомбных захоронений соименных мучеников — Марцеллина, Петра, Агнессы и Лаврентия, — а в одном случае на том месте, где, по преданию, побывали апостолы. Все эти четыре базилики, кроме того, по сути дела представляли собой большие перекрытые кровлей кладбища (*cimetorium*), где были похоронены христиане, жаждавшие покоиться после смерти либо подле останков мучеников, либо в месте, которое было освящено пребыванием апостолов¹⁴. Однако наличие абсидальных обходов в этих базиликах нужно связывать, по-видимому, не с ординарными захоронениями, а с захоронением или поминальным культом тех святых, которым были посвящены базилики, о чем свидетельствует отсутствие ординарных захоронений в таких базиликах, как милетская или рассматриваемая — питинтская. Очень важно, кроме того, еще раз подчеркнуть, что ни одна из привлеченных для сравнения базилик с абсидальным обходом не включала в себя непогрешенных для сравнения мученика, т. е. не была обычной церковью-мартирием «ад средственного погребения мученика», как правило, находились вне базилик с обходом. Эти останки мучеников, как правило, находились вне базилик с обходом. Эти останки покоились или в расположенных рядом катакомбах, или же, как это было в милетской базилике, — в примыкающем к ней мавзолее. Что же касается апостольских ба-

¹³ M. Gough, Anazarbus, «Anatolian Studies», II, 1952, рис. 7.

¹⁴ R. Krauthemer, *Mensa — coemeterium — martyrium*, «Cahiers archéologiques», XI, P., 1960, стр. 15 сл.; он же, *Early Christian and Byzantine Architecture*, [s. l.], 1965, стр. 30 сл.

зилик с абсидальными обходами в Риме и в Аназарбе, то они вообще не имели непосредственного отношения к погребениям апостолов и поэтому были чисто мемориальными церквами, связанными, однако, с поминальным культом.

Фундаменты колоннады в абсиде питиунтской базилики говорят не только о наличии здесь обхода, который в свою очередь определял весь характер и назначение памятника, но и помогают установить первоначальные линии размещения колонн между нефами древнейшей базилики. Так, например, продолжение южной стороны фундамента в абсиде пересекается с южной линией столбов поздней базилики как раз на границе между абсидой и нефами, следовательно, в южном нефе линия междунефной колоннады древней базилики полностью совпадает с линией столбов поздней базилики.

Продолжение же северной стороны фундамента в абсиде пересекается с северной линией поздних столбов гораздо дальше от абсиды, поэтому нам кажется, что здесь уже линии древней и поздней промежуточных опор не совпадают. С этим обстоятельством необходимо сопоставить тот факт, что поддающаяся точному установлению продольная ось мозаичной композиции пола древней базилики не совпадает с продольной осью всего рассматриваемого памятника, следовательно, композиционная ось мозаики должна была совпадать только с продольной осью центрального нефа. Откладывая от этой оси на север расстояние, равное расстоянию от этой же оси до совместившихся линий южных промежуточных опор обеих базилик, мы получим и линию первоначальной северной междунефной колоннады. С этой линией продолжение северной стороны фундамента в абсиде пересекается уже на границе с абсидой. Однако все эти заключения приводят к тому, что северный неф древнейшей базилики был шире южного. Это вообще необычное, но тем не менее реальное в данном случае явление прекрасно подтверждается уже отмечавшейся неправильной, перекошенной формой абсиды рассматриваемого памятника, указанную особенность которой можно объяснить в основном именно неодинаковой шириной боковых нефов.

Почему же северный неф был здесь шире, чем южный? Дело, надо думать, в том, что древнейшая базилика Питиунта своей южной стороной почти вплотную примыкала изнутри к оборонительной стене Питиунта. Северная же сторона памятника была его основным фасадом. Именно с северной стороны входили, в основном, верующие внутрь храма, в северном нефе скапливались входящие и выходящие посетители, в связи с чем, по-видимому, размеры этого нефа и были увеличены. Интересно отметить, что в стоявшей на этом же месте более поздней базилике значение северного фасада также было подчеркнуто — вдоль всей его длины к нему был пристроен портик, или галерея.

Как уже говорилось, описываемая базилика имела мозаичный пол, неоднократно публиковавшийся¹⁵, для изучения которого очень много сделали Л. А. Мацулевич и Л. А. Шервашидзе. От этого пола сохранилось приблизительно 20—25% первоначальной площади. Остатки его уцелели главным образом в абсиде (см. рис. 3) и в южной части нартекса. Небольшой фрагмент мозаичного пола был обнаружен и перед нартексом базилики — снаружи, — в связи с чем, по-видимому, и высказывалось предположение о том, что у базилики, возможно, был атриум¹⁶. Описываемый мозаичный пол был выполнен техникой *opus tessellatum*, для которой характерно применение кубиков приблизительно одинаковой квадратной формы и размера (в среднем 1 кв. см). Мозаика состояла из геометрических орнаментов и сюжетных композиций, причем последние сосредоточивались, по-видимому, только в наиболее важных с точки зрения ритуала местах базилики: в абсиде и у крещальни, расположенной в нартексе. В общей композиции мозаики ясно намечалась продольная центральная ось, по отношению к которой отдельные элементы убранства пола были размещены по принципу симметрии или уравнивания¹⁷. Самый важный по своему значению и местонахождению элемент описываемой мозаики — остатки хризмы, монограммы Христа, состоящей из двух греческих букв Х и Р.

¹⁵ См., например, Ш. Амирашабили, История грузинского искусства, М., 1963, стр. 113 сл.; А. Vostchinina, Mosaïques gréco-romaine trouvées en Union Soviétique, MGR, стр. 322 сл.

¹⁶ Мацулевич, Открытие мозаичного пола..., прим. 1 на стр. 151.

¹⁷ Шервашидзе, ук. соч, стр. 97.

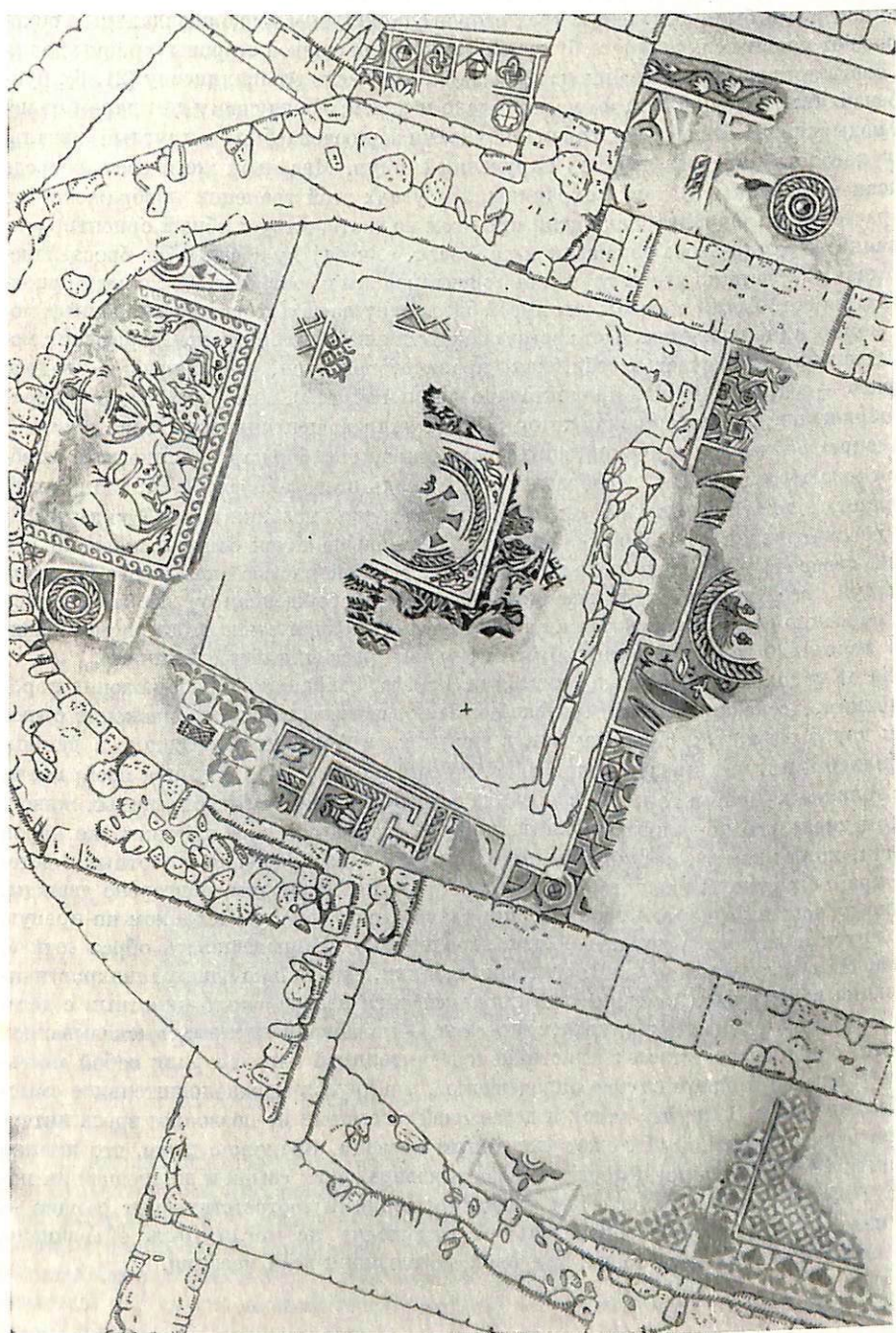

Рис. 3. Пигиунт. Остатки мозаики в абсиде

Хризма занимает центральное место на том невысоком трапецевидном возвышении пола в абсиде, которое и было выделено с трех сторон упомянутым выше абсидальным обходом. Справа от хризмы сохранилась буква *омега*, которой с левой стороны хризмы должна была соответствовать несохранившаяся *альфа*. Согласно Апокалипсису (21, 6), буквы эти означали: «Я есмь альфа и омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой». Описанная хризма с буквами заключена была в круглый медальон, раму которого образует двойной скрученный шнур. Медальон же в свою очередь был вписан в трапецию. В двух сохранившихся углах этой трапеции изображено по птице с растениями. Ориентировка птиц при этом не соответствует общей ориентировке всей мозаики — птицы здесь обращены к хризме, т. е. к центру абсиды. Не бросающиеся же в глаза растения по углам трапеции ориентированы в соответствии с общей ориентировкой мозаики. Таким образом, мы имеем здесь одну из самых распространенных мозаичных композиционных схем, часто встречающихся еще в дохристианских римских мозаиках. Схема эта включает в себя, как правило, медальон, вписанный в квадрат (в Питиунте — в трапецию, что продиктовано формой абсиды), и по углам этого квадрата — изображения, ориентировка которых подчеркивает центричность всей схемы¹⁸.

Трапецию обрамляет широкий, плохо сохранившийся бордюр, заполненный изображением вьющегося аканфа. Изобразительный стиль этого аканфа Л. А. Мацулевич сопоставляет с аналогичными изображениями палестинской мозаики храма Рождества¹⁹, однако рассматриваемое изображение имеет не меньше точек соприкосновения и с аканфами североафриканских мозаик²⁰. Самой важной частью аканфowego бордюра (и, пожалуй, всей питиунтской мозаики) является поврежденная греческая надпись в кругу, вписанном между листьями аканфа и расположенная точно под хризмой. Надпись эта настолько важна, что потребует отдельного рассмотрения (см. ниже).

Слева от надписи, также между листьями аканфа, сохранилось изображение коровы с телятком. Исследователи питиунтской мозаики связывают это изображение с «почитанием коровы в живом быту Грузии, в частности в Абхазии»²¹. Однако в данном случае больший интерес представляет собой не сама корова, а то, что она изображена вместе с телятком. Дело в том, что в мозаиках изображения самых различных животных, в том числе и быков (в изобразительном отношении совершенно таких же коров без вымени, но без телят), весьма обычны²², случаи же изображения животных с детенышами крайне редки. В питиунтской мозаике это, как мы увидим, повторено дважды. По-видимому, как и на другом изображении такого рода, корову с телятком по правую сторону круга с надписью должен был композиционно уравнивать образ «отца», т. е. быка. Нам известна, кроме питиунтской мозаики, еще только одна раннехристианская мозаика в Тойрнии (Австрия), где также имеются изображения животных с детенышами — лани с олененком и утки с утятами, — по поводу которых высказывалось мнение, что они в соответствии с христианской символикой олицетворяли собой «мать-церковь»²³, однако в одном случае определенное, а в другом предположительное смысловое объединение в Питиунте самок и детенышей с самцами не позволяет здесь интерпретировать рассматриваемый сюжет указанным образом. Возможно даже, что именно пример питиунтской мозаики позволяет связать изображения самок и детенышей на мозаике из Тойрнии с имеющимися там же изображениями соответствующих самцов — оленя и селезня, которые в изобразительном отношении не могли быть объединены здесь со своей «семьей» из-за общей кадровой композиции всей мозаики.

¹⁸ См., например, G. B e s a t t i, Alcune caratteristiche del mosaico bianco-nero in Italia, MGR, рис. 3.

¹⁹ М а ц у л е в и ч, Открытие мозаичного пола..., стр. 149.

²⁰ J. L a s s u s, Vénus Marine, MGR, рис. 4 и 11; P. R o m a n e l l i, Riflessi di vita locale nei mosaici africani, MGR, рис. 6, 7 и 8.

²¹ М а ц у л е в и ч, Открытие мозаичного пола..., стр. 149; Ш е р в а ш и д з е, ук. соч., стр. 97.

²² См., например, A. G r a b a r, Recherches sur les sources de l'art paléochrétien, «Cahiers archéologiques», XI, P., 1960, рис. 27.

²³ H. K e n n e r, Römische Mosaiken aus Österreich. MGR, рис. 20, стр. 91 сл.

Именно «семью» христиан в абстрактном смысле этого слова, т. е. весь христианский мир, должны были олицетворять собой, по-видимому, рассматриваемые изображения питиунтской мозаики.

Еще Л. А. Мацулевич отмечал «погребальный или поминальный» характер рассмотренной части мозаичного покрытия, о чем говорили, по его мнению, центральное местонахождение хризмы с альфой и омегой, а также характер рассматриваемой ниже надписи²⁴. С этим, пожалуй, самым важным, выводом, какой только мог быть сделан

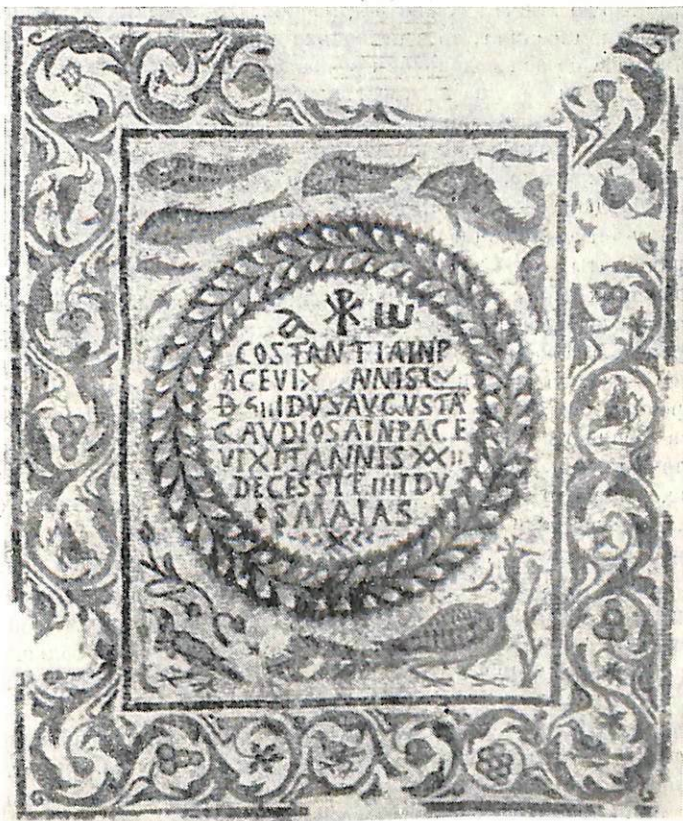

Рис. 4. Надгробная мозаика в Келибии (по А. Грабарю)

при исследовании питиунтской мозаики, мы полностью согласны ввиду, главным образом, отмечавшегося «поминального» характера всей базилики, явствующего из наличия в ней абсидального обхода, и ввиду очевидного сходства рассмотренной части мозаики именно с надгробными мозаиками. Что же касается возможности не погребального, а именно с поминальным назначением рассматриваемой мозаики, то по аналогиям оно не устанавливается, ибо другие «поминальные» мозаики нам вообще пока не известны. Таким образом, совместный анализ архитектуры и мозаик памятника все-таки не дает нам пока конкретного ответа на вопрос, с чем же мы в конце концов имеем дело — с поминальным памятником или погребальным? Конкретное решение этого вопроса осложняется тем, что назначение памятников обоого рода было по сути дела одинаковым — в обоих случаях мы имеем дело с почитанием умерших.

Сопоставляя центральную часть мозаики в абсиде с христианскими надгробными мозаиками — главным образом североафриканскими, — мы видим, что и в последних

²⁴ Мацулевич, Открытие мозаичного пола..., стр. 148.

была весьма обычна вышеупомянутая композиционная схема «медальона в квадрате», что и в них, действительно, основными элементами композиции были хризма с *альфой* и *омегой*, которые тем не менее не всегда занимали центральное место. Кроме того, обычные надгробные мозаики соответствуют своей формой и размерами самой могиле, т. е. представляют собой вытянутый прямоугольник, в котором «медальон в квадрате» занимает лишь один конец — изголовье надгробия²⁵. Питиунтская же мозаика представляет собой как бы только одну «изголовную» часть обычной надгробной мозаики, однако и в этом отношении у нее имеется весьма близкая параллель — мозаика V в. из Келибии (Тунис), которую также считают надгробной. Эта мозаика содержит те же самые основные элементы композиции, но в несколько иной комбинации (см. рис. 4) — эпитафия здесь помещена не под медальоном в аканфе, а в медальоне вместе с хризмой²⁶. Однако последнее обстоятельство не имеет существенного значения, ибо в надгробных мозаиках эпитафии под медальонами также известны²⁷.

Цветовая гамма рассмотренной части питиунтской мозаики такова: хризма с *альфой* и *омегой* — ярко-красные, их контур — черный. Фон медальона и трапеции — белый. Фон аканфового бордюра — черный, он создает резкий контраст центральным изображениям и поэтому четко выделяет их. Изображения же бордюра составлены из белых, красных и коричневатых кубиков различных оттенков.

Кроме описанных выше изображений мозаичное покрытие трапециевидного возвышения имело также еще два почти совсем не сохранившихся бордюра, последовательно окружавших раму с аканфом и содержавших уже исключительно геометрические орнаменты, а именно — косую сетку и так называемые «пересекающиеся круги». Как мы видели, рассмотренная часть мозаики имела строго концентрическую композицию, благодаря которой в абсиде отчетливее выступала и архитектурная тенденция к центричности. Из расположенных же вокруг трапециевидного возвышения изображений привлекают внимание, в первую очередь, две больших сюжетных композиции (по-видимому, самых больших во всей базилике), примыкающих к возвышению с востока и с запада. Обе эти композиции также подчеркивали центр абсиды с тех двух сторон, для которых этот центр был менее выделен из-за продольной ориентации памятника. Обе композиции уравнивали друг друга благодаря кажущимся одинаковым своим размерам — в действительности, однако, западная композиция была несколько большей, так как она примыкала к наибольшей стороне трапеции и при одинаковых размерах с восточной композицией могла бы казаться зрительно меньшей.

В специальной литературе рассматривалась только лучше сохранившаяся восточная композиция (рис. 5). Это, несомненно, та часть мозаики, где наиболее отчетливо выразились особенности времени ее сооружения. В центре композиции изображен фонтан живой воды, олицетворяющей собой христианское учение. По сторонам фонтана — олень и лань с детенышем, о которых уже говорилось выше и которые олицетворяют собой «жаждущих христиан». Как известно, описанное изображение иллюстрирует следующее место из 41-го псалма: «Как лань охотно стремится к источникам вод, так душа моя стремится к тебе, боже». Над изображением оленя в композиции, по-видимому, была надпись, сохранившиеся остатки которой напоминают буквы... NIO...

Аналогичные композиции с увенчанным шишкой пинии фонтаном, по сторонам которого находятся в одном случае олени, а в другом — козули, известны еще в двух мозаиках. Это мозаика V — начала VI в. из уже упоминавшейся здесь базилики Асклепион в Милете, которую привлекал для сравнения и Л. А. Мацулевич²⁸, и датируемая середи-

²⁵ См., например, R. Du Cou dray la Blanch è re, Tombes en mosaïque de Thabarca, P., 1897, табл. II, 11; E. M a r e s, Monuments chrétiens d'Hippone, P., 1958, рис. 2, стр. 68, 69, 77, 78.

²⁶ A. G r a b a r, Le premier art chrétien, P., 1966, рис. 263, стр. 237 сл.

²⁷ Du Cou dray la Blanch è re, ук. соч., табл. II, 11.

²⁸ При сопоставлении милетской мозаики с питиунтской Л. А. Мацулевич, судя по ссылке, пользовался лишь ее описанием у Т. Виганда (Wiegand, ук. соч., стр. 31). Издана же была милетская мозаика О. Вульфом (O. W u l f f, Altchristliche und byzantinische Kunst, I, Berlin — Neubabelsberg, 1914, рис. 294). В литературе

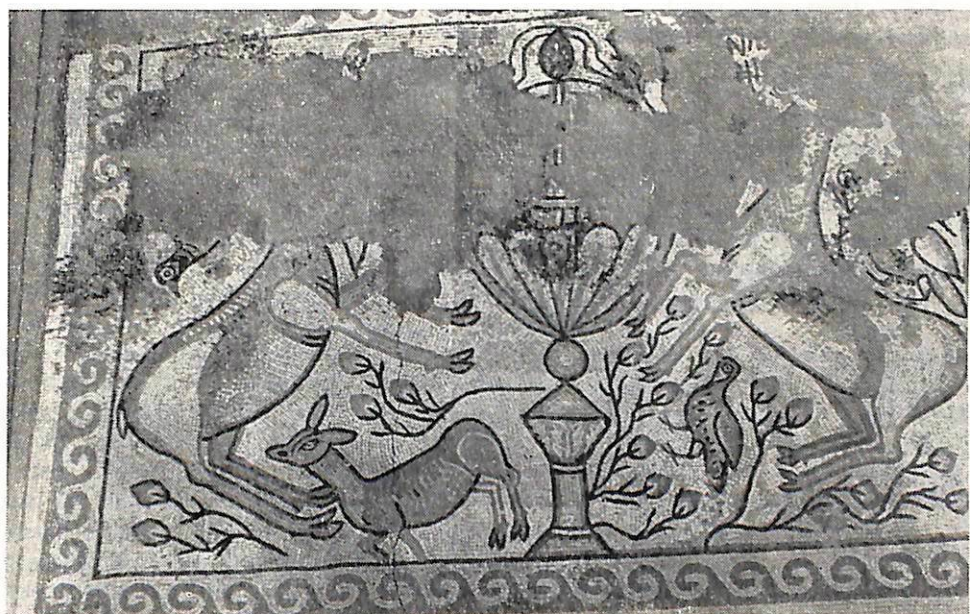

Рис. 5. Питиунт. Композиция с оленями

ной и концом V — началом VI в. мозаика из базилики в Халде (Ливан) ²⁹. Сопоставляя питиунтскую композицию с двумя названными мозаиками, следует обращать внимание не только на моменты сходства, но и на различия. Эти различия отражают эволюцию превращения многоплановых, перспективных и объемных мозаичных изображений, создающих иллюзию пространства, в абсолютно плоскостные и распластанные по поверхности пола абстрактные композиции, акцентирующие лишь поверхность пола, а не «пространство» за этой поверхностью. Исходя из этой эволюции, ярко охарактеризованной Е. Китцингером для мозаик Восточно-Средиземноморского района ³⁰, к которым, разумеется, следует относить и питиунтскую мозаику, последняя должна следовать за милетской и халдской мозаиками. Если у милетской мозаики растения расположены за оленями, а в халдской мозаике птицы над оленями летают, то в Питиунте ни один элемент композиции не заслоняет другой, а птицы над оленями идут куда-то вверх и вниз. По стилю (а не по содержанию) питиунтскую композицию можно сопоставить, например, с мозаичным полом абсиды одной из базилик Лесбоса (этот пол датируется концом V — началом VI в.) ³¹. Изображенные здесь ваза, павлины, небольшие птицы и растения также нигде не заслоняют друг друга, а небольшие птицы опять-таки бродят над павлинами вверх и вниз. Лесбосская мозаика, наконец, имеет такой же меандровый бордюр, как и рассматриваемая композиция.

Фигуры оленей в питиунтской мозаике изображены весьма объемно, несмотря на ограниченность красочной палитры. Освещенные части их тел составлены из белых кубиков, затененные же — из красных. Даже контурные линии этих изображений переда-

обсуждалась лишь датировка милетской базилики (Krautheimer, *Mensa...*, стр. 38), так что только из датировки базилики и приходится исходить, говоря о времени выполнения ее мозаик.

²⁹ M. Chéhab, *Mosaïques du Liban*, «Bulletin du Musée de Beyrouth», P., XIV, 1958, стр. 116; XV, 1959, табл. LXII и LXXIV.

³⁰ E. Kitzinger, *Stylistic Developments in Pavement Mosaics in the Greek East from the Age of Constantin to the Age of Justinian*, MGR, стр. 342.

³¹ A. 'Ορλάνδος *Αἱ παλααιοχριστιανικαὶ βασιλικαὶ τῆς Λέσβου*, «Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον», 12, 1929, Афины, 1932, табл. III, стр. 68. Эта мозаика воспроизведена в кн.: А. Л. Якобсон, *Раннесредневековый Херсонес*, М.—Л., 1959, стр. 242, рис. 129.

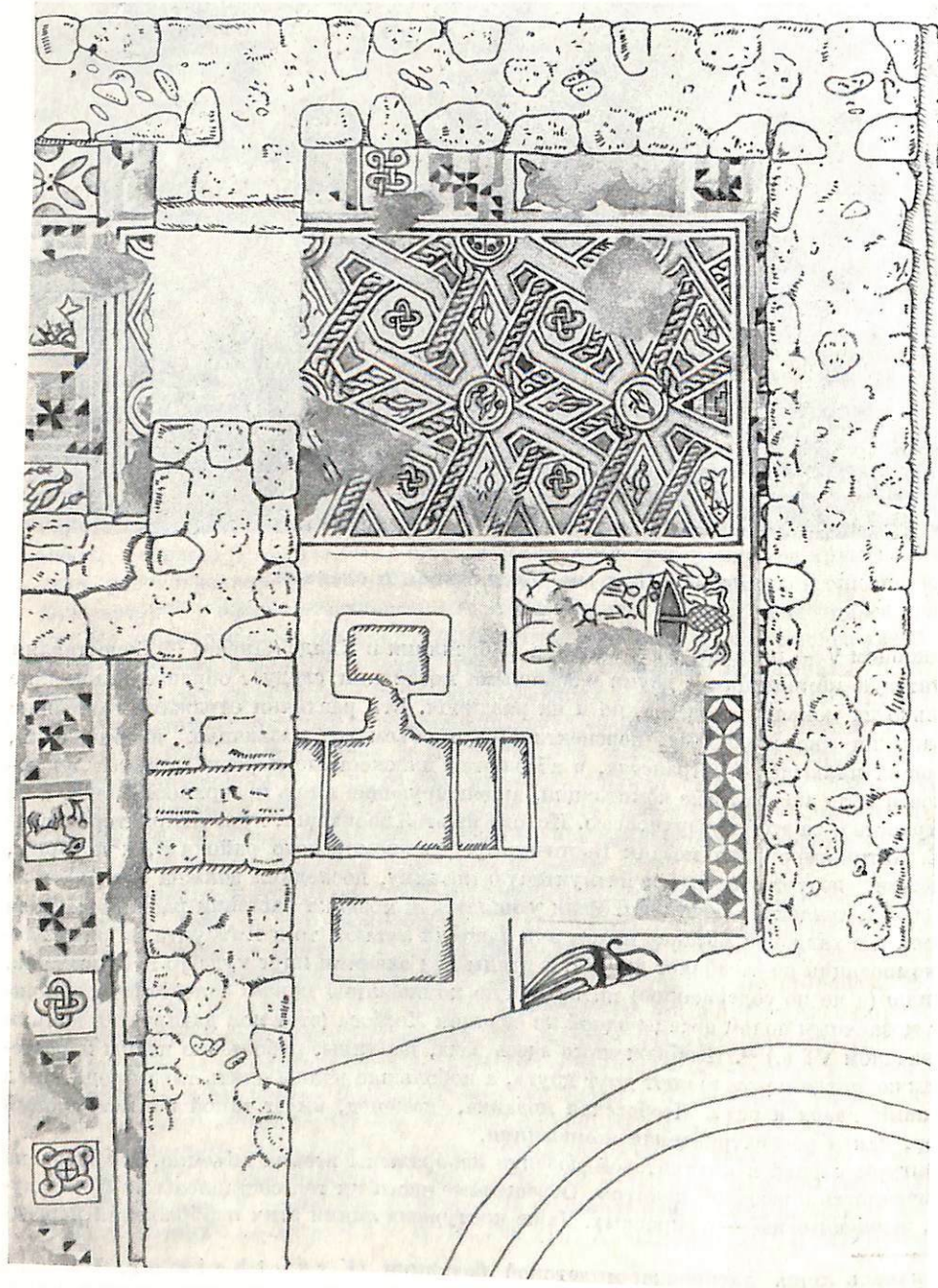

Рис. 6. Питиунт. Остатки мозаики в нартексе

ют здесь степень рельефности — массивные части тела оконтурены черными кубиками, тонкие же голени — красными. Все остальные очень небольшие по размерам — изображения животных здесь переданы плоскостно.

Следует, наконец, отметить, что расположение оленей не соответствует общей ориентировке мозаичной композиции. Эти олени стоят как бы на ее диагоналях. А птицы и растения вообще обращены к фонтану в основном своим низом. Создается впечатление, что ориентировка отдельных изображений здесь рассчитана на того, кто подходит к ним по упомянутому выше обходу. Подходящие издали видели, в первую очередь, обращенные к ним фигуры оленей. При более близком подходе — с изменением ракурса — соответственно разворачивалась ориентировка более мелких изображений. Таким образом, особенности данной композиции были рассчитаны, по-видимому, на создание определенного эффекта.

В связи с особенностями рассмотренной композиции следует обратить внимание и на остальные мозаичные изображения обхода: к северу от центрального возвышения в мозаике изобилуют сюжетные изображения (ягненок [?], вазы, птицы, растения), ориентировка которых рассчитана на тех, кто подходит сюда с западной стороны. К югу же от трапециевидного возвышения в мозаике обхода мы почти не имеем сюжетных изображений, которые требовали бы определенной ориентировки — здесь находятся почти исключительно геометрические орнаменты. Возникает вопрос, не связаны ли приведенные обстоятельство с раз и навсегда установленным направлением движения паломников по обходу: из северного нефа, вокруг трапециевидного возвышения, с выходом через южный неф. Такую возможность следовало бы связывать опять-таки с тем, что именно северный фасад церкви был основным.

Западная композиция питиунтской мозаики сохранилась очень плохо — всего 35—40% всей первоначальной площади. Ее пока вообще никто не рассматривал. Эта композиция, несомненно, уравнивала восточную не только зрительно, но и по содержанию, т. е. помещенные здесь изображения также должны были быть христианскими символами.

В центре западной композиции изображена финиковая пальма с плодами. Пальму с обеих сторон окружали обращенные к ней животные — на мозаике уцелели птица и голова лани. Аналогичное изображение, где пальма является не второстепенной деталью композиции, а ее центром, известно нам только в мозаике конца V в. в Иенахе (Ливан) ³². От которой рассматриваемая композиция отличается даже еще более подчеркнутым значением пальмы. Роль пальмы приближается здесь в какой-то степени к значению хризмы, расположенной в центре абсиды, — пальма здесь, как и хризма, вписана в такой же обрамленный плетенкой медальон. Аналогично и цветовое решение — черно-красная пальма четко выделялась на белом фоне.

Рассматриваемый сюжет можно сопоставить и с теми аналогичными изображениями в раннехристианских надгробиях и саркофагах, на которых также только одна пальма помещена между изображениями двух голубей или же двух овец ³³.

В раннехристианской символике изображение пальмы имело различное значение. В качестве второстепенной детали какой-либо композиции она указывала на то, что здесь изображена сцена в раю. В качестве же основного изображения пальма олицетворяла собой «древо жизни» ³⁴ или являлась символом победы, известным еще в раннеантичную эпоху. Этот символ, усвоенный христианами, связывался теперь с мученичеством — пальма олицетворяла духовную победу, которую одерживал мученик, погибнув за веру ³⁵. В связи с этим в церковной литературе очень часто можно встретить такие

³² Chéhab, ук. соч., XV, стр. 73; XVI, табл. XXVII.

³³ А. Фрикен, Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства, ч. IV, М., 1885, рис. 34; А. С. Уваров, Христианская символика, М., 1908, стр. 156.

³⁴ С. М. Кауфманн, Handbuch der christlichen Archäologie, Paderborn, 1922, стр. 292.

³⁵ H. Lescleq, Palme, в кн.: F. Cabrol, H. Lescleq, Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, XIII, 1, P., 1937, стб. 947 сл.

фразы, как «он получил пальму мученичества», «он удостоился получить пальму мученичества», «он был коронован пальмой мученичества» и т. д.³⁶

Таковы вкратце сюжетные изображения мозаик, сохранившихся в абсиде рассматриваемого памятника. В нартексе же (см. рис. 6) — в его южной части — сохранились (частично) только две одинаковые по размеру композиции, расположенные возле крещальни. На одной из этих картин (от нее сохранилась лишь «отрезанная» по диагонали часть) было изображение богато орнаментированного кувшина с двумя ручками. Изображение этого кувшина также имело

символическое значение, ибо в нем находилась опять-таки «живая вода».

Вторая картина нартекса изображает фонтан, подобный изображенному на композиции с оленями. Только здесь этот фонтан окружают четыре «жаждущих» голуби. Другая картина подобного же содержания имела, по-видимому, и в обходе абсиды (здесь из двух имевшихся раньше птиц сохранилась только одна). Изобретение этого сюжета приписывается мозаичисту эллинистической эпохи Сососу. Сюжет этот был весьма популярен в римских мозаиках — особенно в помпейских, — в которых он имел чисто буквальное — идиллическое — значение. В раннехристианских же мозаиках рассмотренный сюжет приобретает тот символический смысл, о значении которого здесь говорилось при описании композиции с оленями — голуби, как и олени, олицетворяют собой христиан, жаждущих живой воды, под которой подразумевалось учение Христа³⁷.

Как уже говорилось, в питиунтской мозаике большое место занимает и геометрический орнамент. Элементы его столь многообразны, что детальное их

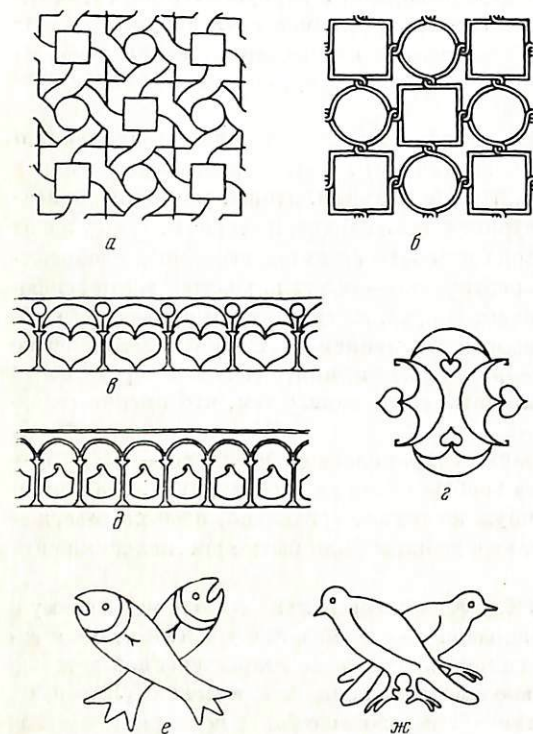

Рис. 7. Элементы мозаичных изображений

рассмотрение заняло бы слишком много места, поэтому мы ограничимся упоминанием лишь самых важных и интересных.

Чаще всего в описываемой мозаике применялся так называемый мотив «пересекающихся кругов». Как и подавляющее большинство других видов геометрического узора, мотив этот был весьма обычен повсюду как в позднеантичных, так и в ранневизантийских мозаиках (например, в херсонесских мозаиках V—VI вв.³⁸).

Композицию с пальмой окружал с трех сторон большой участок мозаики с узором, точные аналогии которому нам пока неизвестны. Широкие переплетающиеся полосы этого узора образуют сетку, в ячейки которой помещены круги и квадраты, расположенные в шахматном порядке (см. рис. 7а). На многих мозаиках IV—V вв. известны более или менее похожие сетки, сплетенные, однако, из более узких полос, позволяющих вносить в узор еще один элемент — «узелки», образованные «перекручиванием» этих полос в точках соприкосновения квадратов с кругами (см. рис. 7б)³⁹.

³⁶ Фрикен, ук. соч., ч. II, 1877, стр. 51.

³⁷ Н. Неймауер, *Byzantinische Mosaiken*, Wien, 1963, табл. I.

³⁸ Якобсон, ук. соч., рис. 117, 118, 119; стр. 226.

³⁹ См., например, Кеннер, ук. соч., рис. 19; Шéhah, ук. соч., XV, табл. LXXII, I; M. Avi-Yonah, *Mosaic Pavements in Palestine*, «The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine», II, L., 1933, стр. 141, рис. J 2.

Интересным представляется нам также использованный в бордюрах питиунтской мозаики узор, сохранившийся частично в северном нефе и в абсиде (см. рис. 7а). Мы имеем в виду изображения, основу которых составляют очень распространенные в мозаичном декоре фигуры лунниц, или пельт, как их именуют обычно в специальной литературе (*pelta* — небольшой легкий щит полулунной формы). Эти пельты встречаются на мозаичных полах в самых различных сочетаниях — и как самостоятельный элемент узора, и как составная его часть. В сочетании с сердцевидными листьями, как это наблюдается в питиунтской мозаике, пельты известны нам лишь на раннесредневековой мозаике из Джебел-Уста в Тунисе (см. рис. 7а)⁴⁰. Разделяющую же в Питиунте эти пельты «колоннаду» можно сопоставить с аналогичной композицией бордюра на позднеантичных, т. е. римских мозаиках Галлии и Италии⁴¹ (см., например, бордюр из Гранж-де-Биефа на рис. 7б).

В южной части нартекса рассматриваемой базилики сохранился участок мозаики, который, нам кажется, должен был совпадать по своей ширине с шириной южного нефа базилики (см. рис. 6). Таким образом, членение общей композиции мозаичного пола подтверждает, по-видимому, реконструкцию линии промежуточных опор в базилике. Вкомпонованные в узор этого участка изображения птиц и рыб ориентированы, в основном, в сторону того, кто выходит из южного нефа в нартекс. Такая ориентировка заставляет вновь вспомнить высказанное выше предположение об установленном направлении движения паломников в обходе рассматриваемого памятника.

Сам узор указанного участка мозаики, довольно сложный по своему построению, описан Л. А. Мацулевицем: этот «узор образован простым повторением одних и тех же орнаментальных геометрических ячеек... Каждая ячейка состоит из двух сплетающихся под прямым углом удлинненных крупных ромбов. Острые углы их сферически усечены». Просветы между этими фигурами «получают форму то небольших ромбов, то кругов... Взаимное расположение их напоминает равноконечный крест с ромбическими сторонами и круглым медальоном на перекрестье. Вот эта-то крестовидная фигура, являющаяся новообразованием побочным, и производит впечатление конструктивной опоры рисунка... Но в сущности она может быть названа мнимой, так как состоит только из просветов на фон, активно включившихся в узор». «Взор то задерживается на рисунке собственно звена, то обращается к просветам фона... Это постоянное перемещение внимания обуславливает подвижность художественного акцента орнамента и кажущуюся его запутанность»⁴².

Как известно, аналогичный геометрический узор использован был и в мозаике храма Каусье (возле Антиохии), которая точно датируется надписью 80-ми гг. IV в.⁴³. Сопоставление с этой мозаикой давало основание Л. А. Мацулевицу датировать первоначально рассматриваемую часть питиунтской мозаики временем не позднее второй половины IV в.⁴⁴ Затем Л. А. Мацулевич, ссылаясь на свою неопубликованную монографию, передатировал питиунтскую мозаику началом IV в. Насколько можно судить по контексту, основанием для этой передатировки послужило, в основном, сходство ранее упомянутого аканфового бордюра питиунтской мозаики с аналогичным мотивом мозаики храма Рождества в Вифлееме, построенного первоначально Константином I (306—337 гг.). Л. А. Мацулевич считал даже, что в мозаике этого храма и должен был быть применен первоначально узор «скрепляющихся ромбов», который здесь тем не менее не сохранился. Именно здесь этот узор будто бы и должен был послужить прообразом

⁴⁰ M. Fendri, *Evolution chronologique et stylistique d'un ensemble de mosaïques dans une station thermale a Djebel-Oust (Tunisie)*, MGR, рис. 16, 4.

⁴¹ G. Lafaye, A. Blanchet, *Inventaire des mosaïques de la Gaule et de l'Afrique*, P., 1909, № 297 и 304; J. Guéy, P.-M. Duval, *Les mosaïques de la Grange-du-Bief, «Gallia»*, XVIII, 1, P., 1960, рис. 4; M. E. Blake, *Roman Mosaic of the Second Century in Italy*, «Memoirs of the American Academy in Rome», XIII, 1936, табл. 28, 2; Vesatti, ук. соч., рис. 7 и т. д.

⁴² Мацулевич, Открытие мозаичного пола..., стр. 151 сл.

⁴³ J. Lassus, *L'église cruciforme, Antioch-Kaoussié, «Antioch on-the-Orontes»*, II, Princeton, 1938, стр. 16 сл.

⁴⁴ Мацулевич, Открытие мозаичного пола..., стр. 153.

Рис. 8. Питиунт. Мозаичная надпись

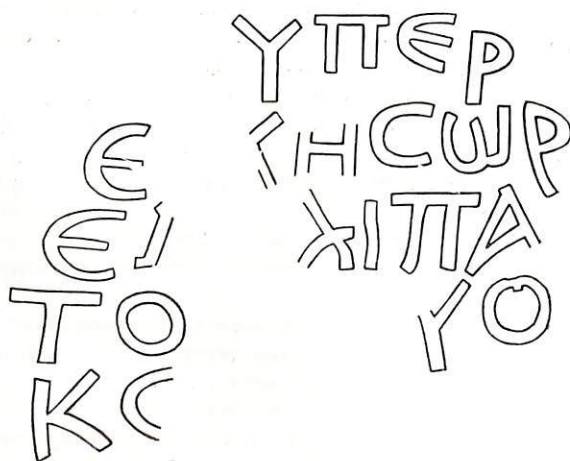

Рис. 9. Прорись мозаичной надписи

для аналогичных изображений в Питиунте и Каусье⁴⁵. Однако сохранившиеся мозаики храма Рождества датируются теперь первой половиной V в.⁴⁶, так что о времени происхождения не сохранившихся мозаик этого храма и об их роли в качестве образов судить, по-видимому, трудно.

Л. А. Мацулевич указывает и на ряд мозаик с тем же узором, относящихся к V, VI и началу VII в.⁴⁷, так что бытование этого узора было весьма длительным. Тем не менее из всех геометрических узоров питиунтской мозаики «сплетающиеся ромбы» оказываются наиболее отчетливо датированным элементом. Дело в том, что «геометрические ковры» Восточного Средиземноморья в IV в. изображали лишь чисто геометрический

⁴⁵ Л. А. Мацулевич, Bir el-Qutt. Историко-художественное значение мозаики, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 317.

⁴⁶ Kitzinger, ук. соч., стр. 347.

⁴⁷ Мацулевич, Bir el-Qutt, стр. 314.

узор; с V же века просветы геометрического узора стали заполняться частично или полностью изображениями животных ⁴⁸, что, как мы видим, и отличает рассматриваемую часть питиунтской мозаики от чисто геометрического ковра IV в. в Каусье.

Среди заполняющих изображений «скрещивающихся ромбов» питиунтской мозаики обращает на себя внимание изображение двух «скрещенных рыб», образующих исключительный для рассматриваемого памятника двушлановый рисунок (см. рис. 7e). Эту довольно необычную в мозаиках композицию мы можем сопоставить только с изображением двух «скрещенных птиц» на уже упоминавшейся здесь мозаике в Халде (см. рис. 7ж), которая среди всех остальных известных нам мозаик обнаруживает, пожалуй, самое большое сходство с рассматриваемым памятником. В обоих случаях мы имеем дело с целым рядом совершенно одинаковых или очень похожих сюжетов и элементов декора: со вставленными в прямоугольники ромбами, с «косой сеткой», с «пересекающимися кругами», со «скрещивающимися ромбами», с плетенкой из кругов и квадратов. В халдской мозаике, как говорилось, наконец, мы находим композицию с фонтаном и двумя козулями по сторонам ⁴⁹.

Под хризмой питиунтской мозаики в аканфовом бордюре была, как мы помним, расположена греческая надпись (см. рис. 8). Сохранилась она очень плохо и состояла из пяти или шести строк. Т. С. Каухчишвили, занимавшаяся подробным исследованием этой надписи, считает, что в ней читаются следующие буквы: ΥΠΕΡ| Ε-ΧΗΣ ΩΡ| ΕΑ-ΑΙ ΠΑ-|ΤΟ- --Υ Ο-|ΚΟ... Восстанавливает же она всю надпись следующим образом: ὑπὲρ εὐχῆς Ὁρῶ καὶ παντὸς τοῦ οἴκου [αὐτοῦ], т. е. «В моление за Орэла и весь его дом» ⁵⁰. Следует, однако, отметить, что судя по сегодняшнему состоянию этой надписи (выставленной в Музее искусств Грузии) (см. рис. 8—9) и по ее фотографии, опубликованной Т. С. Каухчишвили, четвертой — последней — буквой имени, упомянутого в надписи лица, могла быть не только Λ, но и Ν, ибо возле остатков этой буквы находится лакуна.

Т. С. Каухчишвили, кроме того, считает питиунтскую мозаичную надпись «бесспорно ктиторской», причем единственным обоснованием этого заключения служит, по-видимому, только то, что известные ей две аналогичные надписи из Херсонеса, опубликованные В. В. Латышевым, относятся последним не к разряду «надгробных», а к разряду «строительных и посвячительных» ⁵¹. Не говоря уже о том, что, судя по В. В. Латышеву, обе херсонесские надписи могли быть не только «строительными», но и «посвячительными» (а эта возможность, кстати сказать, позволила бы их истолковывать очень широко), сама формула надписей указанного рода, по-видимому, совсем не определяет их назначения. Такие надписи, во всяком случае, несмотря на свою многочисленность ⁵², конкретно пока вообще не классифицировались ⁵³, так что их назначение в каждом отдельном случае следует устанавливать лишь в совокупности с другими данными. Л. А. Мадзулевич считает, например, что рассматриваемая надпись является поминальной, так как она связана с изображением хризмы и апокалипсических букв ⁵⁴; Ш. Я. Амиранашвили считает эту надпись погребальной ⁵⁵. И действительно, уже то обстоятельство, что она входит органической частью в мозаику «надгробного типа» исключает возможность понимания ее как ктиторской. Местонахождение же указанной мозаики в центре абсиды —

⁴⁸ Kitzinger, ук. соч., стр. 346.

⁴⁹ Chéhab, ук. соч., XV, табл. LX, LXII, LXIII, LXV, LXVIII—LXXV.

⁵⁰ Каухчишвили, Эпиграфические новости..., стр. 130 сл.; она же, Греческая надпись Бичвинтской мозаики, «Сообщ. АН Груз. ССР», XVI, 1, Тбилиси, 1955, стр. 71 сл., рис. 2.

⁵¹ В. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, СПб., 1896, стр. 7, № 13 и 15. Теперь полагают, что одна из этих надписей происходит из усыпальницы, следовательно, она — надгробная (см. Якобсон, ук. соч., стр. 236).

⁵² См., например, SIG, IV, № 8858, 8859, 8861, 8862, 8864, 8865, 8866; Ὁρλάνδου, ук. соч., табл. I, стр. 27 и рис. 43, стр. 39.

⁵³ C. M. Kaufmann, Handbuch der altchristlichen Epigraphik, Freiburg, 1917; P. Testini, Archeologia cristiana, Roma, 1958.

⁵⁴ Мадзулевич, Открытие мозаичного пола..., стр. 148.

⁵⁵ Амиранашвили, ук. соч., стр. 113.

фокальной точке всей базилики — говорит о том, что эта мозаика была посвящена тому, в чью честь была выстроена и базилика. Ктитор, разумеется, такой чести не мог быть удостоен. И базилика и мозаика должны были быть посвящены одному из мучеников, культ которых, как известно, был по сути дела первой формой разработанного христианского ритуала, а строительство в их честь христианских храмов было обычным явлением в раннехристианскую эпоху (примером чему служат хотя бы аналогичные рассматриваемому памятнику упомянутые выше циметериальные базилики Марцеллина и Петра, Лаврентия, Агнессы).

Л. А. Мацулевич также считал, что мозаика с хризмой была посвящена мученику, с которым он связывал, однако, из всей базилики, именуемой им «архитектурным комплексом», лишь одну абсиду, называя ее мартирием⁵⁶. В действительности же в данном случае речь может идти только об одном и едином сооружении, которое было не только местом отправления поминального культа, но и домом общей молитвы, где служилась обедня и совершались христианские таинства — например крещение. Именно базиликой, т. е. одним сооружением, считают рассматриваемый памятник и все остальные исследователи, в том числе и архитектор раскопок в Питиунте — И. Н. Цицишвили⁵⁷.

Соответственно своему определению питиунтской мозаичной надписи в качестве «ктиторской» и восстановлению упомянутого в ней имени (Орэл) Т. С. Каухчишвили сопоставляет последнее с грузинскими именами и топонимами: *Натэла, Беверэли, Ори, Ортиси* и т. д.

Исходя же из того, что в этой надписи упомянут, как мы показали, не ктитор, а мученик, имя его *Оре-*, возможно, следует отождествлять с именем Ореантий.

Кем же был этот Ореантий? Греческий синаксарь от 24 июня повествует о том, что в правление Диоклетиана (284—305 гг.) и Максимиана (285—305 гг.) для борьбы с персами неким кубикларием Родоном в Антиохии был сформирован отряд, среди воинов которого оказались и христиане: Ореантий (Ὁρεαντιος) с шестью братьями. Всех семерых переводят затем во Фракию. Здесь Ореантий совершает подвиг — побеждает в единоборстве вождя вторгшихся во Фракию варваров. После единоборства император предлагает Ореантию и его братьям принести жертву языческим богам в честь победы. Так как воины-христиане отказываются это сделать, разгневанный император отправляет их в Саталу и приказывает здешнему дуку силой обратить братьев в язычество. Если же они не откажутся от своей веры, дуку следует отправить их в ссылку в Абхазию. Никакими пытками дуку не удастся заставить семерых братьев изменить своей вере. Измученных христиан отправляют из Саталы в Трапезунд, а отсюда каботажным рейсом на корабле в Абхазию. По дороге братья один за другим погибают: 22 июня в «Новом Лагере» умирает Эрос, 24 июня Ореантию в Ризии привязывают к шее камень и топят в море, из воды его выносят на берег ангелы, здесь же его и хоронят. 3 июля в Кордиле умирает Фарнакий, 7 июля в Апсаре умирают Фирм и Фирмин, 14 июля в Зиганисе скончался Кириак. Последний из братьев — Лонгин — умирает по дороге из Зиганиса в «Абхазию», тело его, выброшенное в море, находят в Питиунте, где и хоронят 22 июля⁵⁸.

Приведенный рассказ представляет собой обычный образец житийной литературы, главный герой которого — Ореантий. В этом рассказе обращает на себя внимание, в первую очередь, удивительно реальная передача обстановки в Римской империи и в Восточном Причерноморье на рубеже III и IV вв. Здесь отражено и усиление гонений на христиан при Диоклетиане, и связанная с этим временем роль дуков, и распространение власти находившегося в Сатале дука Армении на восточнопричерноморские римские гарнизоны⁵⁹. Наконец, здесь подробно и по порядку (с юга на север) перечислены восточнопричерноморские гавани, благодаря чему «Мученичество Ореантия» является одним из са-

⁵⁶ Мацулевич, Открытие мозаичного пола..., стр. 147—149, 153.

⁵⁷ Цицишвили, История грузинской архитектуры, стр. 41; Амيرانашвили, ук. соч., стр. 98 и 113.

⁵⁸ Acta Sanctorum, IV. Antverpiae, MDCCVII, стр. 809 сл.

⁵⁹ См. Notitia dignitatum..., Ord. XXXVIII.

мых достовернейших периплов этого района. Все это говорит о том, что у нас нет оснований сомневаться в реальности существования Орентия, который должен был быть, по-видимому, в Восточном Причерноморье одним из самых известных и популярных мучеников раннего средневековья. Строительство в Питиунте — самом крупном центре христианства в этом районе в IV—V вв.⁶⁰ — базилики, посвященной Орентию, могло быть обусловлено и тем, что именно сюда, судя по контексту синаксаря, должен был быть доставлен Орентий, если бы ему удалось уцелеть по дороге.

Сходство имени Орентия с именем, упомянутым в надписи питиунтской мозаики, представляется нам очевидным даже вне зависимости от того, какой была здесь четвертая буква — А или Ν. Поэтому мы полагаем, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице. Имеющаяся же, кроме сходства, и разница между этими именами, может быть объяснена лучше нас языковедами, однако уже сейчас, по-видимому, можно указать на одну из возможностей такого объяснения. Судя по контексту синаксаря, Орентий должен был быть сирийцем. Не имеем ли мы в надписи сирийскую форму его имени, а в синаксаре греко-латинскую? О том, что имя «Орентий» было распространено именно на христианском Западе, свидетельствует, возможно, существование в ранне-средневековую эпоху (в VI в.) еще одного известного нам Орентия — епископа в Испании⁶¹.

Если связь упомянутого в питиунтской надписи имени с событиями, описанными в синаксаре, видимо, устанавливается, то гораздо сложнее определить сам характер этой связи — трудно решить, была ли базилика св. Орентия выстроена над останками соименного мученика, или только в его честь? В первом случае, по-видимому, должно было иметь место перенесение его мощей из Ризия — такие явления, как известно, принимали массовый характер после официального признания христианства⁶². Однако обычным было и строительство мартириев только в честь (*in memoriam*) мученика⁶³. Судя по приведенным выше архитектурным параллелям, ни одна из базилик с абсидальным обходом не стоит непосредственно над останками мучеников; в то же время изображения питиунтской мозаики в абсиде явно носят «надгробный» характер. Это противоречие можно было бы легко разрешить в ходе раскопок рассматриваемого памятника, обнаружив или не обнаружив под мозаикой могилу или мощи мученика⁶⁴. В настоящее время в центре абсиды рассматриваемого памятника виден старый глубокий раскоп, однако в публикуемых отчетах Бичвинтской археологической экспедиции нет пока, к сожалению, никаких данных о результатах проведенных в этом месте работ.

По поводу датировки рассмотренного памятника (точнее говоря, по поводу датировки его отдельных «компонентов»: самого сооружения, мозаики и мозаичной надписи) высказывались различные точки зрения. И. Н. Цицишвили датировал базилику сперва концом V — серединой VI в.⁶⁵, затем только V в.⁶⁶ Л. А. Мацулевич считал, что мозаика базилики относится к двум строительным периодам и датировал сперва одну ее часть IV в., а другую V в.⁶⁷ Позднее Л. А. Мацулевич отнес, по-видимому, часть мозаики, датированную им ранее IV в., к первой половине этого же века⁶⁸. Т. С. Каухчишвили

⁶⁰ Судя по спискам участников Никейского собора, в Питиунте находилась единственная епископская кафедра к востоку от Трапезунда. См. А. Г. Гамкрелидзе, С. Г. Каухчишвили, Сведения византийских писателей о Грузии, I, Тбилиси, 1961 (на груз. яз. с параллельным греческим текстом), стр. 1 сл.

⁶¹ F. M ü n t e r, Sinnbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen, Altona, 1825, стр. 18.

⁶² Н. В. Покровский, Церковная археология, Пг., 1916, стр. 44; Я. П. Голубцов, Из чтений по церковной археологии и литургике, I, Сергиев Посад, 1918, стр. 80.

⁶³ А. Грабарь, Болгарские церкви-гробницы, «Известия на Българския археологически институт», I, София, 1922, стр. 105.

⁶⁴ На необходимость археологического исследования абсиды рассматриваемого памятника указывал и Ш. Я. Амиранашвили (ук. соч., стр. 113).

⁶⁵ Цицишвили, Храм в Бичвинте, стр. 34.

⁶⁶ Цицишвили, История грузинской архитектуры, стр. 41.

⁶⁷ Мацулевич, Открытие мозаичного пола..., стр. 153.

⁶⁸ Мацулевич, Bir el-Qutt, стр. 316 сл.

датировала надпись V—VII вв.⁶⁹ Л. А. Шервашидзе датировал мозаику второй половиной V—VI в.⁷⁰

Обобщая приведенные мнения о датировке рассмотренного памятника, прежде всего следует отметить, что мы не видим никаких данных, которые указывали бы на принадлежность его мозаик двум различным периодам. Наиболее верное и аргументированное мнение о датировке питиунтской мозаики было высказано Л. А. Шервашидзе, однако и здесь могут быть сделаны некоторые уточнения. Как мы видели, питиунтская мозаика обнаруживает большое сходство с халдской мозаикой середины и конца V — начала VI в., хотя в то же время в питиунтской мозаике в большей степени, чем в Халде, намечается тенденция к схематизму в фигурных изображениях. Тем не менее, по-видимому, нет оснований очень увеличивать хронологический разрыв между этими двумя памятниками и включать в датировку питиунтской мозаики весь VI в. О том, что питиунтскую мозаику следует датировать только второй половиной V и первой четвертью VI в., свидетельствует отмеченное выше ее стилистическое сходство с лессбосской мозаикой конца V — начала VI в. Указанная датировка питиунтской мозаики подтверждается отчасти и историческими данными. Как известно, Питиунт был покинут и разрушен византийцами в связи с вторжением персов в Западную Грузию (Procop., Bell. Goth. VIII, 4; De aed., III, 7). С этим обстоятельством, по-видимому, и нужно связывать разрушение той базилики, которую украшала мозаика и которую сами византийцы, разумеется, не разрушили бы. Персы появились в Западной Грузии в 523 г., и если описываемый храм и не был еще разрушен именно в этом году, то необходимость прекращения здесь всякого строительства, не имеющего отношения к фортификации, была уже очевидна. Так что возможность выполнения рассмотренной мозаики позднее 523 г., по-видимому, исключена. С возобновлением же жизни в Питиунте на месте рассмотренного памятника сооружают новую раннесредневековую базилику⁷¹, постройка которой разрушает мозаику. Как уже говорилось, поздняя базилика повторила план древней, за исключением ее абсиды. Новая абсида уже соответствовала только ширине центрального нефа. Абсидальный обход, связанный с мемориальным культом, был уничтожен, вернее, не был возобновлен. Это обстоятельство несомненно отражает эволюцию богослужения в Питиунте. В новой церкви увеличилась роль «дома общей молитвы» и уменьшилось значение мемориальной функции.

Рассмотренная мозаика, по-видимому, не датирует тот храм, который она украшала. Создается впечатление, что эта мозаика по своим художественным достоинствам и богатству не соответствует «примитивности» древнейшей базилики с ее неправильной и многоугольной изнутри абсидой, неодинаковой шириной боковых нефов и очень тонкими стенами. Как уже говорилось, эта базилика напоминает циметериальные римские базилики первой половины IV в., отличаясь в то же время от более поздних аналогичных базилик в Милете и Аназарбе, например, тем, что у последних обход в абсиде был отделен от нефов дверьми, или арками. Указанные обстоятельства вполне допускают возможность постройки рассмотренного сооружения в начале IV в. Как уже отмечалось, судя по спискам участников Никейского собора в 325 г., в Питиунте в это время уже существовала епископская кафедра; соответственно здесь должен был быть и кафедральный храм. Такое значение и можно приписывать рассмотренной базилике, древнее которой в Питиунте пока не найдено никакого храма. Следует отметить и то, что судя по особенностям фортификационных сооружений Питиунта, характерным для эпохи Константина, здесь в это время были произведены большие строительные работы⁷², с чем и связана, по-видимому, постройка базилики. Позднее ее украсили рассмотренной мозаикой.

В. А. Лежвинадзе

⁶⁹ Кау х ч и ш в и л и, Греческая надпись..., стр. 76; она же, Эпиграфические новости..., стр. 130 сл.

⁷⁰ Ш е р в а ш и д з е, ук. соч., стр. 97.

⁷¹ В. А. Л е ж в и н а д з е, О некоторых сооружениях древнего Питиунта, КСИА 113, 1968, стр. 56 сл.

⁷² В. А. Л е ж в и н а д з е, «Понтийский лимес», ВДИ, 1969. № 2, стр. 85.

THE ANCIENT BASILICA OF PITYUS AND ITS MOSAICS

by V. A. Lekvinadze

The ancient Christian church in Pityus is a basilica of the so-called «cemeterial» type, which is distinguished by having an ambulatory in the apse representing a continuation of the side aisles. The church itself is distinguished by the irregular form of its apse, evidently caused by the unequal widths of the side aisles.

The mosaic in the middle of the apse resembles the funeral mosaics of North Africa. The sequence of the scenes depicted in the mosaics of the ambulatory and side aisles of the basilica is evidently explained by the customary route followed by pilgrims through the side aisles and round the centre of the apse. Stylistic features of the mosaic work point to a date in the second half of the fifth century or early in the sixth century. The basilica itself was apparently built in the first half of the fourth century. In the lists of participants in the Council of Nicaea (325) mention is made of an episcopal see in Pityus. A mosaic in the apse bears an inscription referring to Ωρε[ν], a name apparently to be identified with Orentius (Ὀρέντιος), who is mentioned in the Greek synaxarium for 24 June. Orentius was a martyr who perished on the road to Pityus in the reign of Diocletian.

